

6. Бабков, А.М. Беларусь в польской политике Германии (1915—1916 гг.) / Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навуц.-практ. канф. (Смаргонь, 18—19 мая 2007 г.) / навуц. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі. — Мінск: Чатыры чвэрці, 2009.
7. Новая жизнь. — 1917. — 29 марта.
8. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918 / редкол.: В.К. Волков [и др.]. — М., 1977.
9. Бабков, А.М. Германский оккупационный режим в Беларуси в Первую мировую войну / А.М. Бабков // Республика Беларусь: энцикл. — Минск, 2006. — Т. 3.
10. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. / Э. Людендорф. — М., 1923. — Т. 1.
11. Engelhardt, E. Weißruthenien. Land und Volk / E. Engelhardt. — В., 1943. — S. 10.
12. Номан. — 1916. — 5 мая.
13. Гофман, М. Записки и дневники 1914—1918 гг. / М. Гофман. — Л., 1929.
14. Победа Советской власти в Белоруссии. — Минск, 1967. — С. 64; Полоцк: ист. очерк. — Минск, 1987.
15. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М.М. Смольянинов. — Минск, 2007.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35.

Солопова Оксана Вячеславовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДЕ БЕЛОРУССКИХ МИГРАНТОВ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В начале XX в. мир стоял на пороге новых событий и бесчисленных преобразований. Казалось, начинающееся столетие должно принести расцвет науки, техники, череду инноваций, которые приведут к улучшению качества жизни всех слоев населения. Но 1914 год пошатнул веру в прогресс, оптимистические человеческие надежды и ожидания — Европу захлестнула Первая мировая война. Мирно развивающиеся страны превратились в поля боевых действий, созидательный труд вытеснила необходимость с оружием в руках защищать свою Родину, дом, семью...

Первая мировая война — особая веха в судьбе Российского государства, время подвига русского оружия и национальной катастрофы, которая унесла жизни более трех миллионов граждан, обострила социальные противоречия, привела страну к революционным потрясениям и братоубийственной гражданской войне. При этом жертвами Первой мировой войны стали не только павшие в сражениях солдаты, но и многие тысячи мирных граждан, которые волею судеб были вынуждены примерить на себя роль беженцев, покинуть свою родную землю, оставить свой дом.

История беженства относится к той исторической проблематике, которая хорошо обеспечена источниками. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть документы «Особого совещания по устройству беженцев»¹ за 1915—1917 гг., архивы Татьянинского комитета [7, 13, 18], «Справка к вопросу о беженцах» [24], материалы губернских и уездных совещаний по устройству беженцев, хранящиеся в областных архивах, а также «данные местных обследований беженцев в Закавказье (1915 г.), Одессе (1915—1916 гг.), Петрограде, Риге, Туле, Ярославской губ. (1916 г.), Воронеже (1917 г.)» [14].

Если говорить об активной вынужденной миграции населения, то первая волна беженцев Первой мировой войны начала свое движение сразу с началом боев, с западного театра военных действий, из местностей Сувалкской губернии Царства Польского. С осени 1914 г. беженцы начали получать материальную помощь эпизодического характера согласно утвержденному 14 сентября 1914 г. Положению о Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Это был первый законодательный акт об организации «беженского дела» в России. С момента образования и вплоть до августа 1915 г. Татьянинским комитетом руководил его Председатель — бывший губернский предводитель нижегородского дворянства, затем губернатор Екатеринослава, член Государственного Совета и Совета старшин «Всероссийского национального клуба», борец с местечковым сепаратизмом, соратник и друг премьер-министра П.А. Столыпина, почетный опекун, гофмейстер, ктитор Федоровского собора в Петербурге Алексей Борисович Нейдгарт. Он имел прочную репутацию благотворителя, человека ответственного, пунктуального и предельно честного, помимо руководства Татьянинским комитетом являлся членом Верховного совета по призрению семей воинов. Впоследствии, 6 ноября 1918 г., он был расстрелян нижегородскими чекистами за подписанный им протест против гонений на

¹ Учреждено 10 сентября 1915 г. при МВД, фонды в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Православную Церковь. В 1991 г. Алексей Борисович Нейдгарт был официально реабилитирован, а в 2000 г. Русская Православная Церковь причислила его к лику святых мучеников [30]...

17-летняя дочь императора, ее императорское высочество великая княжна Татьяна Николаевна, выступившая инициатором создания Комитета, получившего ее имя, занимала пост почетной председательницы. Татьянинский комитет стал центральным органом по защите беженцев в России, пользовался правительственной поддержкой и широкими государственными субсидиями, при этом небольшую часть поступлений давали всероссийские пожертвования и частные взносы.

Постепенно Комитет учредил губернские отделения во главе с местными губернаторами на прифронтовой территории, а затем по всей стране, превратившись в крупнейшую общественную благотворительную организацию по оказанию помощи беженцам. Комитет и его отделения выполняли важные координационные функции в центре и на местах, имея в своем составе представителей всех заинтересованных сторон, занятых беженским делом, и тратя больше половины средств на финансирование других беженских организаций, включая национальные общества. К помощи беженцам Комитетом были привлечены местная администрация и органы самоуправления, Красный Крест и военное ведомство, многочисленные благотворительные организации, из которых наиболее активно работали польские общества и «Еврейский Комитет помощи жертвам войны». Последний был создан в 1914 г. и главной своей задачей сначала ставил вспомоществование огромному числу евреев, бежавших или выселенных из зоны военных действий, а чуть позже и тем, кто вынужден был бежать в результате антиеврейских мероприятий [35], о чем речь пойдет ниже. Деятельность Еврейского комитета помощи жертвам войны заключалась в переправке беженцев на новые места жительства, обеспечении их питанием, одеждой и жильем, необходимой медицинской помощью, заботе о детях, денежной поддержке, поиске и организации для беженцев-евреев работы и разрешении многих других бытовых нужд и социальных проблем этой группы населения.

Русские власти признали Еврейский комитет помощи жертвам войны: ему была оказана поддержка, представители и сотрудники были наделены исполнительными полномочиями, осуществлялось взаимодействие со Всероссийским союзом городов и земств. Деятельность этой организации была более чем значима: к концу 1916 г. Еврейский комитет помощи жертвам войны оказал помощь 240 тыс. (из общего числа 350 тыс.) евреев — выселенных и беженцев [35].

Движение беженцев принимало все более массовый характер и стало угрожать работе тыла армии, возникла опасность распространения эпидемии холеры в войсках, беженцы становились причиной социальной напряженности в местах движения и остановок. В «Справке к вопросу о беженцах», которая была подготовлена в Ставке, указывалось: «Страх... заставлял отходить [мирное население. — С.О.] впереди отступающих войск, останавливаясь в возможной близости от покидаемых жилищ и укрываясь в лесах либо размещаясь в селениях, расположенных вне неприятельского обстрела» [14]. После окончания боев «обыватели в большей части возвращались на родные места. Таков был характер ухода населения» до весны 1915 г., пока основные сражения на российской территории происходили в «Привислянском крае»¹. Когда к началу 1915 г. германское командование перебросило силы немецкой армии с Западного на Восточный фронт и немецкий натиск вынудил российское командование оставить сначала территорию Галиции (июнь 1915 г.), а затем и Польши (июль—август 1915 г.), началось Великое отступление, поток беженцев и выселенцев пошел на территорию Беларуси из Польши и Литвы по нескольким направлениям, в том числе через Пинск, Минск и Полоцк. В случаях, когда боевые действия оканчивались в пользу неприятеля, часть беженцев — «помещики, горожане и частью крестьяне» — не возвращались домой, а чтобы не оставаться под властью оккупантов, перебирались в города прифронтовой полосы [24, л. 19].

Местная администрация и местные чиновники, действуя крайне несогласованно, тем не менее занимались вопросами эвакуации учреждений и служащих, но не простого населения губерний. При этом правовые документы и программы, обеспечивающие действия по оказанию помощи беженцам или определяющие лиц, ответственных за оказание помощи пострадавшим от войны, отсутствовали. Военное командование первым осознало серьезность проблемы: на нужды беженцев приказом Верховного главнокомандующего от 21 июня 1915 г. было выделено примерно 2 млн рублей [16, с. 18], и указом Главного начальника снабжения армий Северо-Западного фронта генерала Н.А. Данилова были определены основные направления передвижения беженцев из западных районов Беларуси в восточные и этапы переселения [4, с.132], по требованию военных властей Всероссийский союз городов и земств начал формирование сети пунктов для оказания

¹ 10 крайних западных губерний Европейской России — Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская, Селлецкая.

продовольственной и медицинской помощи на путях следования беженцев, в том числе в Белостоке, Слониме и Кобрине, а также передовых пунктов-фильтров на линии фронта, где должны были кормить и направлять проходивших лиц дальше от фронта. Вторая линия аналогичных пунктов проходила через Витебск, Минск и Гомель и направляла поток беженцев в Россию [27].

Только когда явление «беженцы» приобрело явственно массовый характер, это вынудило государство начать работу, предполагающую системные меры по защите прав и интересов соотечественников, вынужденных покидать места прежнего проживания. С учетом сложности ситуации и реальных насущных потребностей 24 июля 1915 г. постановлением Совета Министров создается институт Главноуполномоченного по устройству беженцев на фронтах, объявляется о формировании особого отдела по устройству беженцев при Министерстве внутренних дел и местных комитетов по устройству беженцев в губерниях [15, с. 159].

В общегосударственном масштабе работа по упорядочению «беженского дела» началась после издания 30 августа 1915 г. Закона «Об обеспечении нужд беженцев». Закон определил статус беженца и его права. Статья 1 Закона гласила: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из районов военных действий» [16, с. 19]. В соответствии с законом руководство делами беженцев поручалось министру внутренних дел и созданному при нем Особому совещанию по устройству беженцев. Осенью 1915 г. были созданы и губернские совещания по устройству беженцев под личным руководством губернаторов (после Февральской революции — губернских комиссаров Временного правительства), которые работали при консолидированном участии администрации и общественности при обязательном представительстве членов этнических беженских организаций. В Петрограде и Москве начали работу такие же городские совещания [14].

В числе беженцев оказались и представители дискриминированных национальностей. Еще в конце 1914 — начале 1915 г. с российских территорий, находившихся в полосе Северо-Западного фронта (частично — Юго-Западного), принудительно были выселены большие группы российских евреев и немцев-колонистов. В офицерской среде бытовало мнение о том, что именно евреи являются немецкими информаторами и передают врагу сведения о готовящихся маневрах и численности русских войск, хотя эти обвинения в политической неояльности и ведении шпионажа были огульными.

В начале июня 1915 г. Ставка Верховного главнокомандующего приняла радикальное решение очистить от населения и от материальных ценностей оставляемые при отступлении территории. По всей линии фронта началось принудительное выселение крестьянства, в первую очередь мужчин призывного возраста «от 17 до 45 лет», чтобы сохранить кадры для пополнения армии и лишить врага потенциальных трудовых ресурсов.

Выселение мужчин шло и при «очищении Галиции», но «кроме евреев», которых запретили увозить в Россию. Одновременно у сельского населения, включая жителей Галиции, реквизировались запасы продовольствия, правда, им оставялась определенная месячная норма. В случае, если излишки продуктов не могли «быть вывезены», их следовало «уничтожить». Кроме того, военное командование отдало распоряжение реквизировать и отправлять в тыл «весь скот», уничтожать «посевы косьбой»... Не желая уходить далеко от покинутых домов и надеясь на скорое возвращение, беженцы скопились на территории Витебской, Могилевской и Минской губерний, что повлекло за собой серьезные проблемы с обеспечением войск по линии фронта. Согласно данным Центрального Всероссийского бюро по регистрации беженцев, созданного при Татьянинском комитете, на 1 июля 1916 г. в Минской губернии осело около 123 900 переселенцев, а в Могилевской — 83 671 [9]. На участке пути Кобрин — Пружаны — Барановичи в июле 1915 г. находилось 400 тыс. беженцев. Именно тогда главным начальником обеспечения армий Северо-Западного фронта генералом Николаем Александровичем Даниловым был отдан уже упомянутый приказ о дальнейшем переселении беженцев на восток в направлении Гомеля, Ельни и Калужской губернии.

Жители Восточной Беларуси поначалу с сочувствием принимали беженцев в свои дома, помогали с устройством, обеспечивали продовольствием. Но с течением времени хозяйственные и продовольственные запасы неизбежно истощились, а Татьянинский комитет не мог в полной мере обеспечить ресурсами всех нуждающихся переселенцев. На улицах стали скапливаться голодные и бездомные люди, обстановка в обществе была предельно неспокойной — участились криминальные случаи, набеги, ограбления, что, естественно, вовсе не способствовало ведению сельского хозяйства...

Опустошение Беларуси и массовые потоки беженцев, неопределенность военного положения и неуверенность в устойчивости оборонной линии на российско-германском фронте укрепили переселенческие настроения белорусов. С отступлением русских войск в конце

лета 1915 г., стратегическая обстановка стремительно менялась, сопровождаясь выселением жителей. Беларусь превратилась в лагерь беженцев, огромное число которых скопилось на юго-западе белорусских земель. И хотя в конце августа 1915 г. новое руководство Ставки приказало прекратить насильственное выселение местных жителей, массовый исход, связанный с приближившимся к Восточной Беларуси театром боевых действий, и нескончаемый поток беженцев породили у белорусов цепную реакцию паники. Осенью 1915 г. крестьяне стали покидать свои селения и уходить на восток уже не потому, что к этому принуждали войска, а добровольно, не желая оставаться в зоне боевых действий.

В то же время 13 августа 1915 г. был составлен и разослан циркуляр министра внутренних дел Николая Борисовича Щербатова за № 59 «О разрешении евреям проживания в городских поселениях вне черты общей их оседлости» — так называемый «циркуляр Щербатова». Это распоряжение открыло еврейским беженцам путь в центральные регионы России. Увеличению потока переселенцев также способствовало распоряжение о приеме детей беженцев иудейского вероисповедания сверх существующих норм во все учебные заведения: еще 14 августа 1914 г. министр народного просвещения Лев Аристович Кассо уведомил попечителей учебных округов, что в 1914/15 учебном году они обязаны будут принимать учащихся-беженцев иудейского вероисповедания в учебные заведения вне зависимости от количества вакансий по существующей для учеников-евреев норме, но чтобы их прием не нарушал интересы христианских детей [34]...

К концу сентября — началу октября фронт стабилизировался, и на всей его протяженности наступило затишье. Концентрация огромного числа беженцев в восточных районах Беларуси осенью 1915 г. с наступлением холодов создала критическое положение в прифронтовой полосе. Было принято решение организовать с 5 по 15 октября 1915 г. массовый вывоз беженцев в глубинные регионы России специальными «маршрутными поездами» с прямой доставкой до пункта назначения и определять для этого ежедневно по 1200 вагонов [2]. На протяжении десяти дней только из Гомеля было отправлено вглубь России 600 тыс. человек. Эвакуация населения сопровождалась организационными проблемами как продовольственного, так и медицинского характера. Тем не менее, удалось провести переселение огромного числа мирного населения из прифронтовой полосы вглубь страны. По подсчетам Татьянинского комитета, из белорусских губерний выехало более полутора миллионов беженцев, которые расселялись в Тамбов-

ской, Самарской, Калужской, Казанской, Курской, Саратовской и других губерниях, в Петербурге и Москве, на Украине и Кавказе, в Казахстане и в Крыму...

Следует отметить, что до осени 1915 г. систематической регистрации беженцев фактически не проводилось, хотя отделения Всероссийского союза городов и земств частично вели учет людей при посадке их в поезда на железнодорожных станциях. Согласно этим сведениям, на 1 июня 1916 г. число беженцев насчитывало 2 757 735 человек. Из них 38 % составляли выходцы из Гродненской губернии, 8,6 % — Виленской, 3,7 % — Минской, 3,7 % — Витебской губерний. Всего около 47,1 % от общего числа беженцев составляли жители Беларуси.

В сентябре 1915 г. при Татьянинском комитете был учрежден Особый отдел по регистрации беженцев. Исполнительным органом Особого отдела стало Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев, о котором уже упоминалось ранее, во главе с В.И. Комарницким. Согласно данным бюро, на 1 февраля 1917 г. число беженцев со всех фронтов составило 3 200 512 человек [16, с. 19].

Итак, направившийся в 1915 г. при отступлении царской армии с территории Беларуси поток беженцев и принудительно эвакуированного белорусского населения оказался в центральных губерниях России и восточнее: жители Гродненской, Виленской, Минской, Могилевской, Витебской губерний расселялись по 21 российской, в том числе в Петрограде, Поволжье, Калужской, Тульской, Московской и других удаленных от фронта губерниях. Из-за такой рассредоточенности размещения сложно выделить белорусских беженцев в единую группу. Казалось бы, впечатляюще обширная география расселения-рассеяния, но в большинстве своем белорусские беженцы смогли в этих условиях осознать и укрепить свою национальную самобытность: «Как пошли в свет — нашли нацию...». В каких же условиях?

Беженцы на территории России изначально воспринимались с сочувствием и радушием, в немалой степени и потому, что они восполняли нехватку рабочих рук в губерниях. Но бремя постоя с дворами никто не разделял, кардинальные решения по назревшим проблемам беженцев правительство затягивало, и местные жители постепенно, но поступательно стали менять свое положительное отношение к беженству на противоположное. Эти изменения шли параллельно с устойчиво демонстрируемым желанием большинства белорусов вернуться к родным местам.

Поэтому уже весной 1916 г. начинается процесс реэвакуации, в том числе и нелегальной, пока еще фрагментарный, скорее как тенденция.

Началом реального возвращения беженцев в Беларусь можно считать весну 1918 г., и продолжалось оно вплоть до 1923 г.

Видный белорусский деятель Дмитрий Федорович Жилунович (псевдоним — Тишка Гартный) в 1924 г. писал: «Империалистическая война, которая центром всей своей тяжести опустилась на Беларусь... подготовила новую богатую почву для роста и расширения белорусского национального самосознания с новой силой. Эту почву дали массы белорусских беженцев — изгнанников, которые заполнили почти все российские города» [8].

Оказавшись в статусе беженцев, очутившись вне обычной среды, в одночасье превратившись в «чужих», белорусские переселенцы стали острее ощущать свою идентичность, этническую принадлежность как фактор, необходимый для сплочения «своей группы».

Статус «беженца» переломил сознание людей, породив у них жизненную необходимость выработки идентификации себя и «своих», в том числе через сохранение своих обычаев и традиций, цементирующих это единство благодаря элементам несхожести с особенностями, характерными для населения «принимающей стороны». Национальная культура стала опорой и символом стабильности в условиях хаоса как «особый дух каждого народа и связанная с ним... идентичность» [5, с. 116].

Однако вопрос белорусской идентичности оставался для беженцев еще открытым. С 1915 г. стали повсеместно появляться активно действующие общественные отделы или комитеты помощи эвакуированным и беженцам при земских и городских управах, в волостях и селениях. «Русские» общества сотрудничали с земствами и городами, польские, еврейские, литовские, латышские практически полностью опекались «местными структурами этнических организаций», в том числе в области этнокультурных потребностей: вопросов языкового общения, поддержки национальных и религиозных традиций [31]. Если, например, литовцы, поляки и евреи сразу занялись созданием обществ помощи переселенцам именно по этническому принципу — уже упомянутый Еврейский комитет помощи жертвам войны (Комитет помощи жертвам войны евреям); Латышский Центральный комитет по оказанию помощи беженцам; польские, русские, украинские, литовские, армянские общества [31], — то беженцы-белорусы довольно долго не имели подобных организаций, иногда поначалу причисляли себя к русским, потом пытались просить о помощи в создаваемых представителями других народов общественных организациях, созданных для помощи беженцам по этническому принципу. Пытаясь примкнуть то к одним, то к другим, белорусы получили си-

стемную помощь при еврейских организациях, но тем не менее везде оставались «чужими»...

По мере продвижения вглубь России и в ходе столкновения с иной этнической средой беженцы из белорусских губерний все явственнее осознавали свое отличие, как ментальное, так и языковое. Белорусский язык становился одним из главных факторов дифференциации своей (белорусской) этнической группы от отличающейся чужой. «Так, один из депутатов Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии рассказывал про беженца, который был глубоко оскорблен тем, что „сьмиюцца над яго моваю“, настолько оскорблен, что собирался топиться» [33]. Надо отметить, что процессы эти шли параллельно и в России, и в Беларуси: знакомство белорусов-беженцев с иноязычными сообществами на территориях с преобладающим этнически русским населением, а также плотнейшее бытовое общение в качестве стороны, принимающей переселенцев поляков/литовцев/евреев и др., значительно повлияло на становление белорусской национальной идентичности, отталкиваясь именно от осознания этого своего отличия. В. Гриневич, который во время Первой мировой оказался в Казани, после 1918 г. вернулся в Вильно, где работал фотографом, а в 1920-е гг. опубликовал ряд статей в белорусских журналах, в том числе в «Нашей Думке», также отмечал в своих воспоминаниях, что белорусские беженцы страдали из-за отличий в своей одежде и обычаях от одежды и обычаев русских, «но особенно доставалось нашим людям за нашу мову» [6, с. 177].

Часть беженцев до этого момента считала себя русскими, но местное население не признало в них своих, и это обстоятельство стало во многом определяющим. Белорусский историк Алексей Константинович Кавка вспоминал слова Николая Николаевича Улащика: «Как пошли в свет — нашли нацию. Дома везде называли себя русскими. А тут, в Тамбове, в Саратове, им, не без усмешки: „Какие же вы русские, по-русски и говорить как надо не умеете“. У нас в Вицковщине во время войны солдаты стояли. „Вы кто?“ — у матери спрашивают. „Мы русские“, — отвечает. „Какие вы русские! Вы — поляки!“ — и на икону униатскую показывает» [29, с. 217].

Об укреплении национального самосознания белорусских беженцев, о процессах мобилизации этноса на неоккупированных территориях в этот период свидетельствует появление организаций, призванных оказывать им поддержку: Белорусского товарищества в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны, которое действовало с января 1916 до начала 1918 г., Белорусско-украинского комитета по-

мощи жертвам войны в Барнауле, а также деятельность культурно-просветительных организаций: «Белорусская хатка» в Орле (1917—1918), Белорусский национальный кружок в Богородицке (1917—1918), Оренбургский кружок белорусов (1918) и др. [28, с. 339]. В 1917 г. у белорусов появляется возможность документально выделить себя в национальную группу, когда в регистрационные анкеты беженцев вносится национальность «белорус».

В русле национально-освободительного движения народов России после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. ускорилось развитие и белорусского национального движения. Оживилась политическая, культурно-просветительская деятельность в среде белорусов — беженцев, рабочих, военных и др. По инициативе Белорусской народной громады¹, которая отстаивала право белорусского народа на государственное самоопределение в составе Российской Федеративной республики, в Москве осенью 1917 г. было проведено два Всероссийских съезда беженцев-белорусов. На первом из них Громада сделала попытку выработать единую тактику для всех белорусских организаций на Учредительном собрании. После Февральской революции организации Белорусской социалистической громады (БСГ) — национальной левонародницкой партии — появились в Петрограде, Москве, Казани, Саратове, Калуге, Тамбове и других местах локализации белорусских беженцев. В Калужской губернии во время выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. список, по которому проводились выборы от БСГ, получил 998 голосов. БСГ имела представителей в Совете рабочих и солдатских депутатов и городской думе Петрограда, участвовала в работе Совета национальных социалистических партий. Часть громадцев участвовала в провозглашении БНР. Петроградская и московская организации БСГ поддержали советскую основу белорусской государственности.

Важная особенность сознания белорусов-беженцев заключалась в том, что они являлись не просто этнокультурной группой, проживающей на другой территории и демонстрирующей социально-политическую активность, а в том, что в рамках этой политической активности белорусы демонстрировали собственную национальную «волю» [33] именно через стремление к самоопределению в вопросах государственного устройства белорусских земель.

А ведь эти люди выражали настроения большого числа одноплеменников: более миллиона белорусов-беженцев осели в Москве. Здесь

¹ Общественно-политическая и культурно-просветительская организация, была создана в мае 1917 г., возглавляли Я. Василевич и А. Цвикевич.

же в 1915 г. задержался до мобилизации на воинскую службу Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич), определившись слушателем народного университета имени А.Л. Шанявского. «Если мы посмотрим на то, что сделано за несколько лет нами, белорусами, для подъема своего национального богатства, то душа может только радоваться. В несколько лет мы сделали то, что у поляков и русских делалось чуть ли не целыми веками», — писал Янка Купала в 1914 г. в своей статье «А все ж таки мы живем!» [1]. Кстати, именно в эти годы и в этой атмосфере великий белорусский поэт пишет свое знаменитое стихотворение-манифест «А хто там ідзе?», сыгравшее колоссальную роль в становлении белорусской нации, на долгое время ставшее неофициальным белорусским гимном, а сегодня переведенное на 85 языков мира. Оно отразило самую суть чаяний и боли всего белорусского народа — и оставшегося в родном крае, и оторванного от него...

Участь беженца не обошла и другого мастера белорусского слова — Якуба Коласа (Константин Михайлович Мицкевич). В 1915 г. в письме к Янке Купале он писал: «Весной 1915 года я вынужден был покинуть родные берега дорогой мне Беларуси и выехать в Московскую губернию. Побывав там сколько-то дней в школе, я был забран в солдаты. С позиции приехал в Обоянь, где жила моя семья, больным человеком. Браток мой милый, случалось ли тебе когда-нибудь застрять где-нибудь на железнодорожной станции, ждать поезда? Вот в таком положении чувствую я себя теперь, где бы ни находился. Все жду, когда наступит время, чтобы оставить эту Московщину и вновь очутиться среди своих людей. Болит моя душа о Беларуси. Чувствуешь ли, братец, как тяжело жить на чужбине?» [11, с. 104].

Еще одного видного белоруса обстоятельства войны также задержали в Москве, сделав невольным беженцем — Александра Лавреновича Бурбиса, деятеля БСГ, который в 1917 г. стал председателем ее московской организации, позднее — генконсулом Белорусской Народной Республики при Правительстве РСФСР, а потом, до своей скоропостижной кончины в 1922 г., был заместителем Наркома иностранных дел БССР.

В те дни роль немногочисленной белорусской интеллигенции максимально возросла. Теперь ее представители видели свою цель не только в оказании помощи беженцам в решении насущных проблем, но и стремились сориентировать их в потоке социальных перемен и политических изменений. Политизация беженского движения ярко выразилась в решении включить белорусских кандидатов-беженцев в списки депутатов во Всероссийское Учредительное собрание [32].

В этих условиях образ покинутой, но чайной белорусской земли становится той объединяющей основой, которая позволяла без лишних объяснений и долгих разговоров прочувствовать право на собственную идентичность, осознать национальные перспективы. «Вопрос „кто мы“, ранее находившийся на переднем плане национального сознания белорусской интеллигенции, уступает место актуализированному историческими реалиями вопросу „откуда мы пришли“ и куда хотим вернуться». Все эти процессы ярко демонстрирует и последовательно закрепляет национальная белорусская пресса, среди которой самыми читаемыми в то время изданиями на белорусском языке стали газеты «Вольная Беларусь», «Дзянніца» и журнал «Чырвоны шлях».

Как писал В. Гриневич, видимое равнодушие беженцев к национальной идее не заглушило тоски по Родине — нужны были люди, которые смогли бы показать дорогу из тумана, которым беженцев окутали «добровольцы» из других комитетов [6, с. 168]. В своих воспоминаниях Е. Канчер подчеркивал, что многовековая зависимость белорусов от литовцев, поляков, русских, от господства их культур привела к тому, что этнологическое — национальное «Я» белоруса к концу этой зависимости, то есть ко времени Февральской революции, было настолько слабо, что приходилось убеждать белоруса в том, что он белорус, что отцы его и дети — белорусы [33]. В этой фразе — принципиальная особенность роли белорусской интеллигенции в становлении белорусского национального самосознания, роли, которая снова была вызвана на авансцену жизни белорусской диаспоры России в момент других переломных событий — дезинтеграции СССР в конце XX в. Общественно-политическая жизнь московских диаспор стала заметной с конца 80-х гг. XX в., когда в Москве в голос заявили о себе представители научной и творческой интеллигенции, демонстрирующие устойчивую национальную идентичность и готовность создавать национальные общественные организации, объединяясь и создавая обязательную в таких случаях инфраструктуру. Возникли самые разные объединения и землячества на московском и федеральном уровнях. Декларируемые ими цели, в принципе, были приблизительно одними и теми же — удовлетворять интерес и потребности в национальной культуре и языке, укреплять контакты с исторической родиной, обеспечивать коммуникации с другими диаспорами.

Нельзя не отметить, что тяга к формированию национально ориентированных землячеств проявилась еще на рубеже 1970—1980-х гг. Однако тогда этнический подтекст был скорее маркером «свой—чужой», а предметным полем, объединявшим вышедших из национальных рес-

публик чиновников и представителей интеллигенции, стало так называемое кухонное постоянно-периодическое обсуждение положения дел на малой родине, тех проблем, которые виделись им из Москвы. В период усиления национально-культурных настроений, в конце 1980-х гг., наиболее активная часть интеллигенции — ученые-гуманитарии, деятели искусства, литераторы, композиторы — объединила свои усилия по популяризации среди представителей белорусской диаспоры белорусских истории, традиций, языка, культуры ради их воспроизводства, сохранения и с целью стимулирования этнокультурной идентичности самих белорусов. Необходимо особо подчеркнуть, что эта деятельность должна была осуществляться не только и не столько среди других народов Российской Федерации вообще, сколько непосредственно среди самих членов диаспоры.

Здесь также важно обратить внимание на один нюанс: главной задачей диаспоры стало поддержание и восстановление элементов национальной культуры и языка, а не адаптация к местной среде, фактически речь шла во многом о «научении», как оставаться белорусом в иноэтничной среде.

Можно сказать, что национально-культурными организациями разработана независимо друг от друга некая программа сохранения диаспоры, забота о национальном престиже, под которым понимается престиж собственно этнической культуры. Особая роль, особая миссия... И сегодня «научная и творческая интеллигенция... формирует облик общества. Но если не формирует, то играет главную роль в формировании общества» [22], и тот потенциал социально-политической гражданственности, который белорусская интеллигенция продемонстрировала сто лет назад, не исчерпан и сегодня. Кстати, на рубеже XX—XXI вв. так же, как в начале XX в., образ Родины — Республики Беларусь — стал одним из главных объединяющих факторов для белорусов, оказавшихся вроде на своих, но и «на чужих берегах»...

Несмотря на все трудности, с которыми столкнулись беженцы-белорусы за пределами своей Родины, вынужденная миграция Первой мировой войны имела положительное влияние на становление белорусской нации. После перенесенных страданий, долгих странствий и мытарств домой белорусы возвращались с четко персонифицированной, обособленной (но не конфронтационно) от других, в том числе православных, славянских народов национальной идентичностью. Оказавшись в иной этнической среде, белорусы уловили и приняли как особую ценность свое этнокультурное, языковое, менталь-

ное отличие, в первую очередь через белорусский язык, восприняли себя как отдельную национальную группу, которая в условиях войны сумела сплотиться, совместно преодолевала экономические сложности, решительно развивая при этом белорусское национальное движение.

Библиографический список

1. Арыгіналы твораў Янкі Купалы. Артыкул Я. Купалы «А ўсё ж такі мы жывём!..». Друкаванае. 6 чэрвеня 1914 г. [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://archives.gov.by/index.php?id=529730>. — Дата доступу: 01.07.14.
2. Бабкоў, А.М. Эвакуацыя ў першую сусветную вайну / А.М. Бабкоў // Беларус. энцыкл. — Мінск, 2004. — Т. 18, кн. 1.
3. Белявина, В.Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В.Н. Белявина. — Минск: Беларусь, 2013. — 398 с.
4. Бобков, А.М. Беженцы в Белоруссии в годы первой мировой войны (1915—1916) / А.М. Бобков // Усебеларус. канферэнцыя гісторыкаў: тэз. дакл. і паведамленняў. — Минск, 1993. — Ч. 1.
5. Вукенис, Ф. Выкорчеванные души / Ф. Вукенис // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. — 1996. — № 3.
6. Грыневіч, В. На рэках Вавілону (Успаміны ўцекача) / В. Грыневіч // Спадчына. — 1997. — № 4.
7. Доклады Комитету Е. И. В. великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 г. — Пг., 1914.
8. Жылуновіч, З. Люты — кастрычнік у беларускім нацыянальным руху // Беларусь. Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. — Мінск, 1924.
9. Известия Комитета Ея Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны. — 1916. — 15 июля (№ 4).
10. История России XX — начала XXI века / под ред. акад. Л.В. Милова. — М.: Эксмо, 2006. — 960 с.
11. Кавка, А. Белорусская Москва / А. Кавка // Скарыніч. Літ.-наук. гадавік. — М., 2011. — Вып. 10.
12. Керзум, А.П. Комитет вел. кнж. Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский Комитет) / А.П. Керзум // Санкт-Петербург: энцикл. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ensspb.ru/object/2812191820?lc=ru>. — Дата доступа: 01.07.2014.
13. Комитет Е.И.В. вел. кнж. Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. 14 сент. 1914 — январь 1916: [сб. док.]: в 2 т. — Пг., 1916—1917.

14. Курцев, А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России / А.Н. Курцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii/>. — Дата доступа: 01.07.2014.
15. Лапановіч, С.Ф. Асноўныя напрамкі дзейнасці Галоўнаўпаўнаважаных па ўладкаванні бежанцаў на франтах, у глыбіні імперыі ў перыяд першай сусветнай вайны / С.Ф. Лапановіч // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. 2001. — № 3.
16. Мікалаевіч, А. Бежанцы першай сусветнай вайны / А. Мікалаевіч // Спадчына. — 1994. — № 3.
17. Матвеева, Н.Л. Деятельность Комитета вел. княжны Татьяны Николаевны в годы Первой мировой войны / Н.Л. Матвеева // История российской монархии: мнения и оценки: материалы 18 Всерос. заочн. науч. конф. — СПб., 2000.
18. Отчет о деятельности Особого отдела Комитета ЕИВ вел. Княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. — Пг., 1916.
19. Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. — Пг., 1915.
20. Пасман, Т.Б. Новейшая история зарубежных стран: 9 кл.: метод. рекомендации: пособие для учителя / Т.Б. Пасман, Е.Ю. Сергеев. — М.: Просвещение, 2005. — 160 с.
21. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. — 816 с.
22. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации. 17 октября 2014 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/. — Дата доступа: 01.07.2014.
23. Приветствие Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии ВЦИК. 17 июля 1918 г. Фотокопия. Печатный документ. Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. IV. Минск, 1954 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archives.gov.by/index.php?id=726084>. — Дата доступа: 01.07.2014.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Фонд 1322. — Оп. 1. — Д. 13.
25. Россия в начале XX века / под ред. акад. А.Н. Яковлева. — М.: Новый хронограф, 2002. — 744 с.
26. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: сб. обзоров и рефератов / редкол.: И.И. Глебова (отв. ред.) [и др.]. — М., 2013. — 232 с. — (Препринт).

27. Саматя, В.Р. Проблема беженцев Беларуси в годы Первой мировой войны / В.Р. Саматя // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/631/5/>. — Дата доступа: 01.07.2014.
28. Скалабан, В.У. Бежанцы / В.У. Скалабан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 1. — Мінск, 1993.
29. Скалабан, В.У. Пасляслоўе / В.У. Скалабан // Спадчына. — 2001. — № 3.
30. Смирнов, С. Жизнь и смерть Алексия Нейдгарта / С. Смирнов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/02/09/zhizn_i_smert_aleksiya_nejdgarta/. — Дата доступа: 01.07.2014.
31. Список организаций, ведающих дело помощи беженцам. На 1 мая 1916 г. Европейская Россия. — М., 1916. — Вып. 1.
32. Турук, Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. — М., 1921.
33. Утгоф, В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914—1922 годах: дис. ... канд. ист. наук / В.С. Утгоф. — СПб., 2003.
34. Фомичев, И.В. Национально-правовые аспекты политики Российского правительства в области народного образования в годы Первой мировой войны / И.В. Фомичев // ФБГУ «Федеральный Центр образовательного законодательства» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://фцоз.рф/pravo/theory/ezegod44/?fom.html>. — Дата доступа: 01.07.2014.
35. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/11514>. — Дата доступа: 01.07.2014.
36. Юдина, Т.Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов / Т.Н. Юдина. — М.: Акад. Проект, 2006. — 272 с.

Адамушко Владимир Иванович

Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

События Первой мировой войны являются неотъемлемой частью истории Беларуси. Уже с лета 1914 г. население Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний стало испытывать все тяготы военного времени: мобилизацию, массовые реквизиции, принудительный труд, милитаризацию промышленности, а также